

Николай Стэф

Мир системы

Николай Стэф

Мир системы

<https://litres.ru/74246182>

SelfPub; 2026

Аннотация

2057 год. Мир застыл в сытой, ленивой апатии. Наноботы излечили все болезни, но превратили человечество в овощей, утративших волю к развитию. Гениальный учёный Элиас Вандервуд, уставший от всеобщей серости, решает исправить ошибку своей жизни. Он перепрошивает наноботов через спутники, встраивая в сознание каждого человека игровой интерфейс. Теперь каждое действие качает навыки, а обыденность превращается в бесконечный квест по самосовершенствованию.

Но за гениальность приходится платить. Военные, увидевшие в технологии оружие массового поражения, врываются в лабораторию. Вандервуд успевает нажать кнопку «Запустить» за секунду до выстрела. Его смерть становится точкой невозврата.

Жизни людей переплетаются в хаосе нового мира, где добро и зло — лишь параметры, которые можно прокачать. Смогут ли герои сохранить себя, в этом новом странном мире?

Добро пожаловать в мир, который стал игрой без правил. Здесь умирают по-настоящему.

Николай Стэф

Мир системы

Глава 1

Шел 2057 год. За окном хмурый дождливый город, больше похожий на грязную акварель, которую неаккуратный ребенок растер локтем. Небо над Нью-Йорком висело тяжелым свинцовым одеялом, и казалось, что само мироздание страдает похмельем после вчерашнего. Капли стекали по бронированному стеклу лаборатории Вандервуда, оставляя мокрые дорожки, которые выглядели как слезы Бога, которому надоела эта пьеса.

Утро в лаборатории Элиаса Вандервуда начиналось не с кофе, как у нормальных людей, а с густого, почти осязаемого напряжения. Воздух здесь был настолько плотным, что его можно было резать ножом и намазывать на тосты. Он пах напряжением, перегретыми микросхемами и отчаянием. Даже кофе, который стоял в любимой дурацкой кружке с надписью «Я босс, потому что я так сказал», казался гуще обычного. Насколько густым, что ложка стояла в нем вертикально, словно утопленник в болоте.

Элиас ненавидел это чувство. Это липкое, как патока, предчувствие, которое щекотало заднюю стенку черепа. В лаборатории было тихо, но эта тишина звенела, как струна

рояля перед тем, как на ней сыграют похоронный марш. Гол로그램мы на столах мерцали голубоватым светом, отбрасывая тени на стены, которые, если бы у них было чувство юмора, наверняка скорчили бы рожи. Но у стен Вандервуда чувства юмора не было — они были обшиты свинцом, чтобы защитить от радиации, которую иногда излучали его творения.

Элиас Вандервуд, человек, привыкший видеть в людях механизмы, а в механизмах — людей, сидел в своем кресле, которое больше походило на трон из «Звездных войн», и смотрел на экран. Он поправил очки на переносице, и на мгновение ему показалось, что мир за окном пытается его в чем-то убедить. Но Вандервуд был глух к мольбам погоды.

Он был высок, худощав, и его лицо казалось высеченным из гранита, который при этом имел отвратительный характер. Когда он смотрел на бегущие строки кода, его глаза сузились. Сегодня изменится всё. Он знал это с той же уверенностью, с какой знал, что, если сунуть палец в розетку, будет больно. Код был совершенен. Он не просто перестраивал сознание — он ломал старую игру «Человечество» и устанавливал патч, который разработчик (то есть он, Элиас) даже не тестировал на крысах.

— Ну что, малыши, — пробормотал он, обращаясь к миллиардам наноботов, которые не могли его слышать. — Сегодня вы станете не просто пылесосами для холестерина. Сегодня вы станете богами. Или демонами. Смотря у кого какое настроение.

Он знал, что сегодня — тот самый день, когда человечество перестанет быть просто человечеством. Мысль была одновременно грандиозной и такой банальной, что хотелось зевнуть. Но пальцы Элиаса слегка дрожали, когда он наводил курсор на кнопку запуска. Дрожали не от страха, а от предвкушения. Его подмывало рассмеяться, потому что он представил лица людей, когда они утром пойдут чистить зубы, а у них в глазах появится иконка «Ловкость +1».

Он замер на секунду. В углу зрения мерцал таймер. Часы показывали 07:15 утра по восточному времени. Самое время переключить реальность, пока нормальные люди пьют свой овсяный латте и читают новости о том, что в Амазонии снова нашли неизвестный вирус.

Наноботы. Эти крошечные спасители, которые давно стали частью жизни, как зубная паста или налоги. Они чинили печень, убивали рак, подкручивали давление и даже убирали перхоть. Элиас сам их придумал, будучи еще юным гением, который ненавидел школу, потому что там от него требовали «социализации». Он создал их, чтобы сделать людей здоровыми. И что в итоге? Они превратили планету в теплый, сырой и смертельно скучный аквариум, где человечество пускало пузыри и наслаждалось абсолютным ничегонеделанием.

Теперь наноботы должны были стать чем-то большим. Проводниками в новую реальность. Элиас хмыкнул. Он собирался сделать из каждого человека персонажа видеоигры,

потому что только в играх люди готовы напрягаться. В реальной жизни им было лень даже менять канал. А тут — пожалуйста: характеристики, навыки, прокачка. Это лучше всякой социальной рекламы.

Вандервуд презирал праздное существование, которое даровали его творения. С иронией, достойной самого Сатаны, он наблюдал, как мир избавился от болезней и начал умирать от скуки. Люди перестали мечтать. Они перестали хотеть. Они просто были. Элиас считал, что это оскорбительно для вида, который смог придумать колесо, а потом — квантовый компьютер.

— Вы как овощи, — прошептал он, глядя на монитор, где транслировалась новостная лента из Лондона, где какой-то толстяк сутки не вставал с дивана, потому что ему было лень позвать робота-помощника. — Сладкие, вялые, переваренные овощи. Я дам вам мускулы, мозги и, черт возьми, даже харизму. Может, тогда вы перестанете смотреть это дерьмовое реалити-шоу.

Он мечтал о том, чтобы каждый человек стал сверхъестественным существом. Не ради величия, а ради того, чтобы они наконец-то начали двигаться. Ему было плевать на баланс. Ему было плевать на последствия. Ему хотелось посмотреть, как мир загорится, заискрит и затанцует в новом ритме, даже если этот танец будет похож на конвульсии.

И он нашел способ. Гениальный и простой, как молоток. Перепрощить наноботов через спутники. Никакого сложно-

го интерфейса, никаких операций на мозге. Просто встроить в сознание каждого человека графический интерфейс, как у самой заурядной RPG. В углу зрения появлялись четыре параметра: Сила, Ловкость, Интеллект, Харизма.

— Всё как в старых добрых книжках, — усмехнулся он, проверяя последние строчки кода. — Только тут нет магии. Только физика, химия и немного наглости.

На его экране парили голограммы — атлас мышц, схема нейронных связей, молекулярные цепочки, отвечающие за внешность. Он видел, как одно изменение в коде заставит мышцы расти, если параметр «Сила» повышается. Как мозг начнет использовать резервные нейроны, если «Интеллект» перевалит за сотню. «Ловкость» делала связки стальными, а «Харизма» ... ну, она делала человека красивее. Прямо на клеточном уровне. Никаких хирургов.

— Ты можешь быть уродом, — сказал он пустому креслу напротив, представляя, что там сидит его старый профессор. — Но, если у тебя Харизма под 200, ты будешь выглядеть как Аполлон, съевший гамбургер.

Это была его месть миру. Мечь за то, что мир оказался таким скучным. Каждый параметр открывал новые возможности. Обыденность переставала существовать. Теперь поход в магазин превращался в квест, а подъем по лестнице — в тренировку, которая отображалась в интерфейсе. Вандервуд знал, что люди геймеры по своей сути. Они любят циферки. Они любят расти. Они любят достигать. И если раньше для

достижения нужно было пахать годами, то теперь достаточно было пробежать лишний километр или выучить китайский за ночь.

— Никто не хочет быть просто человеком, — философски заметил он. — Все хотят быть эльфами, магами или хотя бы чертовыми паладинами. Я просто убираю ограничения.

Он посмотрел на свою руку. Его собственные наноботы уже были перепрошиты на тестовом режиме. Он чувствовал, как мир вокруг становится чуть четче, как в голове появляется странная сетка, по которой скользят числа. Его Интеллект уже зашкаливал за 300. Он мог считать в уме интегралы и одновременно вспоминать, куда положил ключи от машины. Это было забавно.

Но мир не любит, когда кто-то слишком сильно умничает. Особенно если этот умник собирается подарить всем билет в бессмертие (или в безумие, тут как карта ляжет). Конкуренты Вандервуда, эти тощие гиены в костюмах от Армани, давно точили зубы на его технологии. Они не понимали гениальности, они понимали только деньги. Но денег им было мало. И они, как последние сволочные стукачи, слили информацию о проекте военным.

Вандервуд узнал об этом от своего друга, который работал в Пентагоне и был должен ему крупную сумму за лечение своего сына. Друг сказал: «Элиас, они едут. У них пушки, маски и очень плохое настроение. Они думают, что ты собираешься взорвать мир».

— Я собираюсь не взорвать, а апгрейдить, — поправил его мысленно Элиас.

Военные, эти люди, которые видят в любом изобретении только способ убивать, заволновались. Генералы, привыкшие к тому, что баланс сил — это святая корова, запаниковали. В их головах, забитых песком и приказами, созрел план: захватить технологию. Сделать суперсолдат. Остановить безумного ученого, который раздает сверхспособности, как печенье.

Вандервуд фыркнул. Военные мыслили категориями палок и камней, даже когда палкой был лазерный меч, а камнем — нейтронная бомба. Их пугал даже сам факт, что каждый человек сможет стать сверхъестественным существом. А что, если враг тоже получит эти параметры? А что, если соседний мальчишка, подкачав Силу, сможет разнести танк голыми руками?

Баланс сил, о котором они так пеклись, был похож на карточный домик. Один чих Вандервуда — и весь домик к чертям собачьим. Генералы видели это и впадали в истерику, кусая свои начищенные сапоги.

— Они хотят сделать меня своим ручным кроликом, — усмехнулся Элиас, поглаживая кружку. — Они хотят посадить меня в клетку и заставить штамповать импланты для войны. Как банально, Господи.

Отряд военных уже мчался к его лаборатории, находившейся на 89-м этаже небоскреба «Вандервуд Тауэр». Элиас

видел их через камеры наблюдения. Они врывались в холл, как стая голодных волков, чьи маски не скрывали презрения к гражданским. У них были штурмовые винтовки, гранаты и полное отсутствие чувства такта.

— Осторожнее, парни, — пробормотал он, глядя на экран. — Там ковер очень дорогой. Моя мама его выбирала. Правда, это было давно, но это не повод топтаться по нему грязными ботинками.

Он знал, что времени осталось мало. Минуты текли, как песок в часах, которые кто-то перевернул, даже не спросив разрешения. Военные ломились вверх, нажимая кнопки лифта с такой злостью, будто те были лично виноваты в том, что у генералов маленькие зарплаты.

Элиас не собирался сдаваться. Он верил в свободу выбора. Нет, не в ту свободу, о которой говорят по телевизору, а в настоящую — когда ты можешь случайно нажать «Огонь» и превратить себя в сверхчеловека. Его друг предупредил его еще два часа назад. Голос в трубке дрожал, когда он сообщил, что Вандервуда хотят «взять под контроль».

— Беги, Элиас, — кричал друг. — Они не шутят!

Но Вандервуд не побежал. Он посмотрел на свою кружку, на пустой офис, на бесконечный дождь за окном и понял, что это его наследие. Его «дар» всему миру. Этот мир, такой ленивый и тупой, заслужил апгрейд. Даже если для этого нужно отдать жизнь. Это была не жертва. Это была расплата за то, что он когда-то создал эти гребаные наноботы, которые

лечили людей до состояния овощей.

— Я исправляю ошибку, — сказал он пустоте. — И, если мне суждено сгореть, я сгорю красиво. Как фейерверк в День независимости, но с более сложным кодом.

Он уже почти нажал клавишу, но его палец замер в миллиметре от кнопки. Взгляд упал на его любимую дурацкую кружку. В ней закончился кофе. На дне плескалась лишь темная жижа, похожая на остатки надежды. Элиас уставился на это месиво и вдруг нелепо, громко и истерично расхохотался.

— Вот это номер, — выдавил он сквозь смех, от которого у него заболели ребра. — Я собираюсь перекроить реальность, запустить новую версию человечества, превратить всех в персонажей видеоигр, дать им Силу, Ловкость и все такое..., и я не могу сделать это на пустой желудок. Или с пустой кружкой. Это же провал.

Он иронизировал над тем, что «вечность начинается с мелкой бытовой неловкости». Мысль была глупой, но она зацепилась за сознание, как заноза. Он даже записал эту фразу на голосовой диктофон, чтобы, если он выживет, потом посмеяться еще раз.

— Вечность начинается с пустой чашки, — повторил он, качая головой. — Запомните это, дети. Никакого пафоса. Только маленькая, мерзкая, бытовая деталь, которая разрушает весь пафос апокалипсиса.

Эта шутка была его последней попыткой сохранить чув-

ство юмора перед лицом неизбежного. Элиас знал, что если он перестанет шутить, то превратится в такую же машину, как те военные, которые ломились в его дверь. Он всегда говорил, что черный юмор — это щит от безумия. И сейчас он поднимал этот щит, даже зная, что он сделан из картона.

— Ну ладно, — вздохнул он, поставив кружку на стол. — В конце концов, на том свете кофе тоже небось отвратительный. Может, там вообще только чай. Ужас.

В этот самый момент дверь его лаборатории, изготовленная из суперпрочного стекла и стали, с грохотом вылетела внутрь. В комнату ворвались военные. Их лица были скрыты за черными масками, которые делали их похожими на безликих гоблинов. В руках они держали оружие, готовое к действию. Оно было направлено прямо на Элиаса. Глаза за масками сверкали, как у голодных собак, увидевших кость.

— Вандервуд! Руки вверх! — заорал один из них, его голос был искажен динамиком шлема и звучал как скрежет металла. — Прекратите то, что вы делаете!

Элиас медленно повернул голову. Он посмотрел на них так, как смотрит учитель на опоздавших учеников, которые перемазались в грязи.

— А вы знаете, что ваши маски вам очень идут? — спокойно спросил он. — Делают вас стройнее. Правда. И вообще, снимайте их. Я тут гигиену соблюдаю, а вы пыль поднимаете.

Военные не оценили юмора. Они сделали шаг вперед, це-

лясь ему в голову.

Они кричали приказы. «Отойдите от компьютера!», «Вы арестованы!», «Во имя президента!». Но Вандервуд уже не слышал их. Он даже не смотрел на них. Его взгляд был прикован к экрану, где мигала кнопка «Запустить». Она пульсировала, словно сердце умирающего зверя, и манила его, обещая вечный покой или вечный хаос.

Крик военных сливался в один сплошной гул, похожий на шум водопада. Элиас почувствовал, как пот стекает по его виску. Он сделал глубокий вдох, чувствуя знакомый только ему запах. Мир вокруг замедлился. Он видел, как капли дождя за окном застыли в воздухе, как луч света от голограммы искривился, отражаясь от дула автомата.

— Не подходите, — сказал он, и голос его звучал спокойно, почти равнодушно. — Сейчас будет больно. Ну, не мне. Им.

И он нажал её.

Его палец, чуть дрожащий от адреналина и недостатка кофеина, коснулся сенсорной панели. Раздался щелчок — мягкий, почти нежный, как звук закрывающейся книги. Но этот щелчок прокатился эхом по всему миру. Через спутники, через тысячи серверов, через миллиарды наноботов, дремлющих в крови каждого человека на планете.

В этот момент мир изменился навсегда.

Волна обновления накрыла планету, как цунами из цифрового света. Это не было видно глазу, но каждый человек —

от миллиардера в своем пентхаусе до бомжа под мостом — почувствовал, как в его сознании что-то щелкнуло. Что-то новое, чужое и одновременно родное появилось в углу зрения.

Это был интерфейс.

Полупрозрачные панели, цифры, иконки. Сила: 5. Ловкость: 5. Интеллект: 5. Харизма: 5. Базовый набор среднестатистического овоща.

Этот день назовут «Днём Системы». Историки (те, что выживут) будут ломать головы, как назвать эту эпоху, и в итоге просто разделят историю на «до» и «после». До — мир был скучным. После — мир стал безумным. Но Вандервуду было бы плевать на историков. Он бы сказал им: «Вы бы лучше проверили свои параметры, засранцы».

По всему миру люди начали замечать странные вещи. В углу зрения вдруг появились иконки. Кто-то увидел, как у его коллеги загорелся зеленый маркер «Дружелюбный». Кто-то заметил, что его собственная Харизма вдруг упала до 2, когда он открыл рот, чтобы сказать что-то глупое.

Сначала люди думали, что это галлюцинации. Массовая истерия. Психоз. Результат зомби-апокалипсиса или слишком острой пищи. Врачи в панике проверяли зрачки пациентов. Психиатры готовили смирительные рубашки.

Но вскоре стало ясно, что это реальность. Слишком реальная, чтобы быть игрой. Слишком четкая, чтобы быть бредом. Наноботы, эти маленькие хитрые твари, перепрошили и

начали работать по новому протоколу. Интерфейс был везде. Он был встроен в сознание, как встроенный чип, и исчезнуть он не мог.

Мир действительно изменился. Глаз человека теперь видел не просто предметы, а информацию о них. Он видел параметры. Он видел уровни. Он видел потенциал.

Реакция была разной. Некоторые люди, консервативные до мозга костей, пытались игнорировать новые возможности. Они закрывали глаза, терли их кулаками и твердили себе, что это просто сбой в системе связи. Они молились старым богам и надеялись, что утром всё вернется к норме. Особенно много таких было среди пенсионеров, которые уже второй час сидели в очереди в поликлинику и с ужасом смотрели, как у их соседа по очереди параметр «Сила» растет просто от того, что он сжимает в руках талончик.

— Это просто глюк, — говорила старушка с котом, глядя экран своего телефона, который тоже засветился новыми иконками. — Не обращай внимания, котик. Просто не обращай внимания.

Но это было так же сложно, как не обращать внимания на слона в ванной.

Другие, более предприимчивые, сразу начали экспериментировать. Это было похоже на Рождество, только вместо подарков — сверхспособности. Подростки, которые всю жизнь страдали от отсутствия мускулов, вдруг заметили, что, если сделать 100 отжиманий, значок «Сила» моргает и уве-

личивается на 0,1. Школьники начали качать Интеллект, читая учебники за одну ночь и понимая, что их мозг запоминает информацию на порядок быстрее.

— Мы можем стать кем угодно! — кричали они в соцсетях, пока их профили не начали светиться дополнительными очками Харизмы за каждое остроумное сообщение.

Но были и третьи. Те, кто впал в панику. Мир, который был предсказуемым и понятным, вдруг стал похож на квест, где пропущен туториал. Люди боялись даже чихнуть, потому что вдруг это даст им статус «Больной» или, наоборот, «Носитель супервируса». Они не знали, как справиться с новыми способностями. Они боялись, что, если они повысят Силу до 20, они случайно проломают стену. Или что Харизма заставит их говорить так сладко, что их съедят каннибалы (по крайней мере, они так думали).

В метро Нью-Йорка один мужчина с панической атакой начал размахивать руками, пытаясь «сбросить» интерфейс, и случайно повысил себе Ловкость до 15, уворачиваясь от полиции. Это только усугубило его паранойю.

В это время в лаборатории Вандервуда всё было кончено. Элиас уже не смотрел на экран. Он смотрел на военных, чьи глаза за масками расширились от ярости и ужаса. Кнопка была нажата. Трансляция ушла в эфир. Система активирована.

Один из солдат, тот, что был главным, заорал что-то нечленораздельное и нажал на курок. Раздался выстрел. Не

громкий, а какой-то приглушенный, словно кто-то чихнул в подушку. Элиас почувствовал резкую боль в груди, но она показалась ему нереальной. Он упал на пол, глядя в потолок, и увидел, как над его головой появляется иконка «Критический урон».

— Ну вот, — прошептал он, чувствуя, как кровь заливает его рубашку. — Я даже не попробовал... новый кофе.

Он умирал с улыбкой. Его лицо было спокойным, даже довольным, как у ребенка, который нашалил, но знает, что его не накажут. Военные стояли над ним, глядя на его тело, и понимали, что они опоздали. Миллиарды человек по всему миру уже получили обновление.

Его смерть стала символом начала новой эры. В новостях тут же заговорили о «мученике прогресса», хотя сам Вандервуд наверняка бы скривился от этого слова. Он был просто ученым, который устал от людей и решил превратить их в игрушки. Но для мира он стал героем. Или злодеем. Смотря в какой новостной ленте.

Границы между реальностью и фантазией стирались. Теперь фантазия была подкреплена кодом. Теперь человек мог быть тем, кем хотел.

Так начиналась новая эра, где каждый человек становился героем своей собственной истории. Элиас Вандервуд дал миру возможность развиваться, не зная усталости. Он снял оковы с человеческого тела и разума.

Но, как он иронично заметил бы, если бы мог видеть это

из своего персонального ада, не все готовы к тем испытаниям, которые их ждут. Потому что, как и в любой уважающей себя видеоигре, на первом уровне тебя встречают не драконы, а крысы. И эти крысы, мать их, уже бегут к тебе, сверкая своими новыми параметрами Ловкости и Силы, и у них очень, очень плохое настроение.

Глава 2

Алексей Порохов проснулся с ощущением, будто его голову зажали в тиски, а потом эти тиски решили сыграть в армрестлинг. Первые несколько секунд он вообще не мог понять, где находится — в собственной квартире, в аду или на корпоративе в компании, где подавали слишком крепкий самогон. Реальность возвращалась медленно, кусочками, как пазл, который собирает пьяный ежик.

Он лежал на спине, уставившись в белый потолок, на котором, как назло, не было ни трещин, ни пятен, чтобы за что-то зацепиться взглядом. Тело ломило, будто он вчера таскал мешки с цементом, хотя на самом деле он просто смотрел новости и пил чай с печеньем. Возраст, блин. Тридцать пять лет — это уже не двадцать, когда можно не спать трое суток и выглядеть как свежий огурец. Теперь даже один бессонный час превращает тебя в зомби с мешками под глазами, которые можно сдавать в багаж.

Алексей был мужчиной, который любил порядок. Особен-

но в собственном внешнем виде. Он тщательно выбирал костюмы — не кричащие, но дорогие, итальянские, с идеальной посадкой. Его гардероб напоминал музейную коллекцию, где каждый экспонат имел свое место. Он носил темные очки даже в пасмурную погоду, утверждая, что это «защита от тупизны окружающих», хотя на самом деле это был его маленький фетиш. Очки придавали ему загадочный вид, как у агента из фильма, который вот-вот спасет мир, но при этом у него ужасно болит спина от сидячей работы. Темные волосы были аккуратно зачесаны назад, а на лице — легкая щетина, которую он отращивал специально, чтобы выглядеть старше, солиднее и, по его мнению, мужественнее. Правда, сейчас, с утра, эта щетина больше напоминала пыль на старой мебели, но он был готов это игнорировать.

Комната плавала перед глазами, как в тумане. Его черный костюм висел на стуле, ожидая своего часа, а рядом лежали те самые очки, которые так и манили его надеть, чтобы мир стал чуть более сносным.

Когда зрение более-менее прояснилось, он заметил это. В нижнем правом углу поля зрения висела тусклая иконка. Она была полупрозрачной, с изображением шестерёнки, которая медленно вращалась, словно издеваясь над его больной головой. Рядом с ней мерцала надпись: «Настройки».

— Ага, — хрипло выдохнул он, моргнув. — Настройки. Отлично. Видимо, я вчера всё-таки перегрел мозги, смотря в сети какой-то сериал.

Он попытался сфокусироваться на иконке, но она не исчезала. Она просто висела там, как назойливая муха, от которой не отмахнуться.

— Какого хрена? — бормотал он, потирая виски, которые пульсировали так, будто внутри них завели оркестр барабанщиков.

Алексей потер глаз пальцем, пытаясь стереть эту странную штуку, как будто это было пятно на стекле или сопля на объективе камеры. Он даже дунул на нее, как делают с пылинками, но иконка лишь насмешливо качнулась в такт его дыханию.

— Офигеть, — прошептал он, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Это не похоже на простое утомление. Это похоже на серьезное утомление. Или на шизофрению.

В его голове пронеслись мысли одна мрачнее другой. Он проработал в сервисном центре десять лет, ремонтируя технику, которая ломалась от одного лишь взгляда на нее. Он видел столько сгоревших плат и перегоревших проводов, что его собственный мозг, казалось, тоже начал давать сбои. Может, это профессиональное выгорание? Или побочный эффект от того, что он однажды понюхал перегретый припой?

— Я окончательно рехнулся, — сказал он вслух, и его голос прозвучал пугающе одиноко в пустой квартире. — Моя мама всегда говорила, что моя работа доведет меня до психушки. И вот, пожалуйста. Сначала гаджеты, потом голоса, теперь летающие иконки.

Он представил, как его коллеги по работе в сервисном центре тыкают в него пальцами: «Смотрите, Порохов перегрелся. У него теперь интерфейс в глазах. Скоро он начнет говорить с кулером для воды».

Но иконка не исчезала. Она была упрямой, как старая кофеварка, которая отказывалась кипятить воду, пока ты не постучишь по ней молотком. Алексей зажмурился на несколько секунд, считая до десяти, и снова открыл глаза. Шестерёнка все еще была там, спокойно вращаясь в углу зрения, как едва заметный спутник, который не собирался покидать свою орбиту.

И тут он сам начал сомневаться в своем рассудке. Это было странное чувство — когда ты одновременно уверен, что ты нормален, и боишься, что ты ненормален. Он прикусил губу, проверяя, не спит ли он. Боль была реальной.

— А может, я просто сильно устал, — повторил он, как мантру, хотя внутри уже закрадывалась паника. — Это просто стресс. Я слишком много работаю. Нужно взять отпуск. Поехать на море. Или в деревню. Или в психушку, там кормят три раза в день.

Он вспомнил вчерашние новости. Включая ящик, он надеялся увидеть репортажи о войне или экономическом кризисе, о чем-то привычном и предсказуемом. Но вместо этого все каналы говорили о массовой эпидемии галлюцинаций. Люди по всему миру видят странные иконки, чувствуют, как их мозг перестраивается, и даже пытаются менять какие-то

параметры.

— Массовый психоз, — объявил главный диктор с серьезным лицом, заставляя всех зрителей почувствовать себя немного глупее. — Врачи рекомендуют не паниковать и принимать успокоительное.

Алексей тогда посмеялся над этим. Он всегда считал, что новости врут. Это было его жизненное кредо: «Не верь новостям, верь своему мультиметру». Если бы он верил каждому слову из телевизора, он бы уже давно жил в бункере, запасаясь консервами и молитвами. Но сейчас, лежа в кровати и глядя на призрачную шестерёнку, он начал думать, что, может, в этот раз журналисты не соврали. Или соврали, но частично.

— Значит, это эпидемия, — пробормотал он, потирая подбородок. — Все видят иконки. Значит, я не один такой. Но, с другой стороны, новости всегда врут. Если они говорят об эпидемии галлюцинаций, значит, на самом деле это не галлюцинации. Или это галлюцинации, но они про это врут. Голова кругом.

Он мысленно пнул себя за этот парадокс.

Однако что-то внутри него — то самое шестое чувство, которое он всегда приписывал интуиции при ремонте техники — шептало, что это не галлюцинация. Это было нечто большее. Оно напоминало ему о том, что он чувствовал, когда подходил к старому советскому телевизору в музее, который издавал странный запах и жужжал, как пчелиный улей

перед укусом. Он знал, что там что-то не так, даже не открыва-
вая корпус.

То же самое чувство он испытывал сейчас. Эта иконка была реальной. Она была частью его сознания, но она не была плодом воображения. Это было похоже на то, как если бы кто-то установил приложение прямо в твой мозг, не спросив разрешения.

— Ну и наглость, — фыркнул он. — Хотя бы спросили бы. Я бы согласился, но мог бы поторговаться. Может, выдали бы мне за это скидку на кофе.

Алексей был прагматиком. Как любой человек, который больше десяти лет возится с техникой, он привык решать проблемы, а не паниковать над ними. Поэтому, переборов страх, он сосредоточился на иконке. Он мысленно «нажал» на неё, как будто нажимал на кнопку в своем воображении, и перед его глазами развернулась панель.

Это было неожиданно, но не так уж страшно. Панель была выполнена в минималистичном стиле, словно ее делал дизайнер, который ненавидел излишества. На ней были написаны его данные.

Имя: Алексей Порохов.

Уровень: 0.

Сила: 5.

Ловкость: 5.

Интеллект: 5.

Харизма: 5.

Навык: нет.

Опыт: 0%.

Алексей уставился на эти цифры, и его лицо вытянулось в выражении, которое сложно было описать иначе, как «смесь удивления, оскорбления и глубокого разочарования».

— Пять? — переспросил он сам себя. — У меня харизма пять? Да я мог бы продать лед эскимосам в пыльный день! Я мог бы убедить кота, что он собака! И у меня всего пять баллов? Да это оскорбление!

Он вспомнил, как в прошлом месяце уговорил начальника поднять ему зарплату на 10% только за счет красноречия, при том, что начальник был скупым, как крот. И это стоило меньше пяти баллов? Возмущение закипело в нем, как старый чайник, который вот-вот засвистит.

— Ну и весело, — пробормотал он, разглядывая параметры. — Я просто робот на минималках. У меня нет навыков, нет уровня, и опыта — ноль. Как у младенца. Но младенец хотя бы умеет орать, а у меня вон, харизма — 5, чтобы орать громче.

Он был разочарован. Он ожидал, что, если уж ему в голову загрузили какую-то систему, она будет хотя бы содержательной. Но здесь не было ни подсказок, ни инструкций. Только голые цифры и пустота, от которой становилось не по себе, как будто ты зашел в игру, но забыл скачать руководство пользователя.

— Где tutorial? — спросил он у пустоты. — Где малень-

кая, милая иконка с вопросиком, которая объяснит мне, что делать, чтобы не умереть от офигевания?

Никаких подсказок или инструкций не было. Только эти цифры, которые издевательски смотрели на него с экрана его собственного сознания.

— Знаете, — обратился он к иконке, как к собеседнику, — в хорошей игре всегда есть учебалка. Даже в самой кри-
вой RPG хоть кто-то подсказывает, как открыть инвентарь. А тут — голые цифры и пустота. Даже текста нет типа: «На-
жми X, чтобы выжить». А если я нажму не туда? Если я на-
жму на «Удалить систему»? Я что, останусь без параметров? Или просто растворюсь в пространстве?

Его размышления были проникнуты черным юмором, по-
тому что иначе он бы начал кричать и биться головой о сте-
ну. А стена была не самая мягкая, и он это понимал.

— Но это же к лучшему, — успокаивал он себя. — Кто
вообще читает инструкции? Я сам все разберу. За 35 лет я
научился разбираться в технике, разберусь и в этих... мозгах.

Немного успокоившись, Алексей понял, что он не один
такой. В новостях вчера говорили, что миллионы людей по
всему миру видят то же самое. Значит, он не уникальный су-
масшедший. Он просто часть стада сумасшедших, что, в об-
щем-то, даже лучше. Когда все безумны, никто не безумен.
Золотое правило психиатрии.

Но был нюанс. Никто не признавался друг другу в том,
что видит эти иконки. Люди боялись прослыть сумасшедши-

ми, и это была разумная боязнь. В мире, где все носят маски нормальности, признаться в том, что у тебя в глазах висит интерфейс игры, было равносильно признанию в любви к терроризму.

Алексей представил, как приходит на работу и говорит коллегам: «Ребята, я вижу у себя в глазах меню, и у меня там харизма 5». Его бы сразу повязали санитары в белых халатах и увезли в желтый автобус, где кормят овсянкой и дают таблетки, от которых текут слюни.

— Нет уж, — решил он. — Буду молчать, как партизан. Буду делать вид, что я просто уставший и немного нервный. Это в моем стиле.

Новости тем временем разрывались от заголовков. Врачи разводили руками, разрывая свои белые халаты в приступах бессильной ярости. Психбольницы заполнялись людьми, которые слишком громко рассказывали о «настройках» и «параметрах». Одни кричали, что стали богами, другие — что стали персонажами, третьи — что они просто хотят, чтобы это прекратилось.

— Ну и бардак, — подумал Алексей, переключая каналы. — Мир сошел с ума, а мне еще на работу идти. Ну и как с этим жить?

Алексей решил, что это просто стресс. Конечно, не просто стресс, а что-то странное, но игнорирование проблем всегда было его коньком. Надев свой любимый темно-синий костюм, который сидел на нем как влитой, и водрузив на нос

те самые темные очки, он посмотрел на себя в зеркало. В отражении был серьезный мужчина, который мог бы быть агентом спецслужб, если бы не его чуть заметная уставшая улыбка.

— Рутина — лучшее лекарство от безумия, — сказал он себе. — Пойду на работу, починю пару принтеров, выпью кофе, и все пройдет. Или не пройдет, но хотя бы станет привычным.

Он вышел из дома, вдыхая свежий, но грязный воздух большого города, который пах бензином и чужими амбициями.

Дорога до метро была привычной. Люди спешили, толкались, смотрели в свои телефоны, которые тоже, казалось, немного светились странным светом. Алексей прошел через турникет, как делал это тысячу раз, но внезапно почувствовал резкую, острую пульсацию в зубах. Она была настолько сильной, что он поморщился и на секунду прикрыл глаза.

— Ну вот, — простонал он сквозь зубы, держась за челюсть. — Только больного зуба мне и не хватало. Видимо, моя система решила, что я недостаточно страдаю. Может, теперь у меня появится параметр «Зубная боль: 10», и я буду получать урон каждый раз, когда буду улыбаться? Отличный апдейт, спасибо, разработчик!

Он оглянулся по сторонам, надеясь, что никто не заметил его гримасу боли. Но люди вокруг были заняты своими проблемами. Кто-то тоже держался за голову, кто-то тер глаза,

кто-то смотрел в пустоту с таким видом, будто увидел призрака. И Алексей понял: все они чувствуют то же самое.

«Все эти галлюцинации, — подумал он, — они накрыли не только меня. Видимо, у всех теперь есть параметры. И у всех болят зубы. Зубы мира, чтоб их».

Вдруг турникет, через который он только что прошел, издал резкий писк. На табло высветилась ошибка, и он обнулil чей-то проездной. Человек, стоявший за Алексеем, громко выругался, ударив по аппарату, но тот лишь пискнул еще громче, словно издеваясь.

Алексей вздрогнул. Он не мог отделаться от чувства, что это было предсказание. Что турникет не просто сломался, а показал ему, что мир сломался точно так же. И его зубная боль была не просто болью, а знаком того, что система начала давать сбои в его собственном организме.

— Черт, — прошептал он, отходя в сторону. — Я становлюсь параноиком. Теперь я вижу предзнаменования в сломанных турникетах. Скоро начну гадать на кофейной гуще.

«Просто совпадение», — бормотал он, заходя в вагон метро, но внутри закрадывался холодок, который не удавалось стряхнуть. Он чувствовал, как ледяная игла страха протыкает его сознание. Это было не просто совпадение. Все вокруг начинало сходиться с ума, и он, как последний идиот, шел на работу, надеясь, что это пройдет.

— Ты просто переутомился, — твердил он себе, как мантру. — Ты слишком много чинишь техники. Твой мозг ре-

шил, что он тоже устройство и скоро, наверное, зависнет. Нужно взять отпуск и поехать на море. Или в горы. Или в морг, там тихо.

Но холодок не уходил. Он сидел в нем, как та самая зубная боль, которая теперь пульсировала в унисон с каждым ударом сердца.

На работе его ждал привычный хаос. В сервисном центре было шумно, пахло пластиком и перегретой электроникой. Но главная проблема оказалась в самом центре комнаты — старый, толстый принтер, который выглядел так, будто его собирали из деталей нескольких умерших собратьев. Он не работал. Он просто лежал на столе, излучая ауру презрения ко всему живому.

— И это я должен чинить? — спросил Алексей у пустоты, надевая перчатки. — Да ладно. Это не поломка, это клиническая смерть. Нужно было вызвать священника, а не меня.

Но он погрузился в рутину. Открыл корпус, проверил контакты, понюхал плату. Все было как обычно, но в то же время иначе. Он чувствовал, что что-то изменилось, но не мог понять что.

Он лез внутрь принтера, пытаясь понять, что же заклинило. Его взгляд упал на маленькую шестеренку, которая, казалось, застряла из-за кусочка бумаги. Он уже почти достал ее, когда заметил, что маленькая иконка шестеренки, висящая в его глазах, начала слабо пульсировать. Она моргала в такт его пульсу, как будто подсказывая ему что-то важное.

— Что ты хочешь? — прошептал он, глядя на иконку. — Хочешь, чтобы я ее починил? Или ты говоришь, что она сломана?

Иконка замерцала ярче, и на панели, прямо над его параметрами, появилась новая надпись: «Обнаружена неисправность. Устранить? (Да/Нет)».

Алексей замер. Его сердце забилось быстрее, но он заставил себя успокоиться. Это было как подсказка. Система, наконец, начала с ним говорить. Или, что более вероятно, она просто хотела проверить, насколько он туп.

— Это приколы? — спросил он у иконки, которая, разумеется, не ответила. — Ты хочешь, чтобы я нажал «Да»? И что будет? Я почищу принтер, и ты меня прокачаешь? Или я почищу принтер, и взорвется весь центр?

Мысленно он нажал «Да». Он просто подумал об этом, и вдруг его пальцы сами собой дернулись к проводу. Он не контролировал их, они двигались автоматически, как будто кто-то взял его руки в свои. Он переставил провод в другое гнездо, и тут же принтер ожил.

Раздалось тихое, но уверенное гудение. Лампочка загорелась зеленым. Принтер, который минуту назад казался мертвым, внезапно заработал, как новый, издавая при этом довольное урчание, которое обычно издают коты, когда нашли миску с едой.

А в углу его глаза вспыхнуло уведомление: «+5 Опыта. Интеллект +1».

Алексей замер. Он смотрел на уведомление, потом на принтер, потом снова на уведомление.

— Ну, блин, — сказал он медленно, и голос его дрогнул от изумления. — Это реально. Это не глюк. Я починил принтер, и мне дали за это опыт. Мне дали опыт! Как в игре! Только в игре я бы получил достижение «Мастер принтеров», а тут просто +5 к опыту. И Интеллект +1. Значит, я стал чуть умнее? Хотя, если честно, я бы предпочел харизму, но ладно.

Он уставился на свои руки. Они не дрожали. Они работали. Мир стал другим. Теперь любая поломка, любой сбой — это был потенциальный источник опыта. Он мог чинить вещи и становиться сильнее, умнее, быстрее.

— Я электрик-экстрасенс, — усмехнулся он своей новой шутке. — Я чиню принтеры и получаю за это очки интеллекта. Может, через неделю я стану умнее Стивена Хокинга? Или просто починю все принтеры в мире?

Эмоции переполняли его. Это был восторг, смешанный с ужасом. С одной стороны, он нашел способ прокачивать свои навыки. С другой — он понял, что мир окончательно сошел с ума, и он стал частью этого безумия.

— Ну и что, — решил он, махнув рукой. — Если этот мир игра, то я буду в нее играть. Я всегда любил игры. Только раньше я играл в них на компе, а теперь — в реальной жизни.

Он почувствовал странное удовлетворение. Это был почти кайф — чувство, что ты не просто чинишь хлам, а становишься лучше. Но также он чувствовал тревогу. Что если

это обман? Что если за каждое повышение параметра он потеряет что-то важное? Например, свою душу. Или чувство юмора.

Он смотрел вокруг на других людей в сервисном центре. Они копались в своих устройствах, но никто из них не светился от радости. Никто, казалось, не понял, что происходит. Алексей осенило: он один из первых, кто, кажется, разобрался в этой системе.

— Я гений, — самодовольно сказал он сам себе. — Или просто самый удачливый дурак. Но я понял, как это работает. Я чиню — я получаю опыт. Я получаю опыт — я качаю параметры. Я качаю параметры — я становлюсь супергероем. А супергероям не нужно платить налоги.

Он расхохотался, но быстро замолчал, поняв, что выглядит как последний идиот.

Бросив принтер, он начал методично, не спеша, чинить всё, что попадалось под руку. Старый кофейный аппарат, который не грел воду уже три года, щелкнул и заурчал, давая ему +3 опыта. Сломанный вентилятор, который издавал звук, похожий на умирающего слона, после замены конденсатора ожил и принес ему +4 опыта. Ноутбук с выгоревшей матрицей, который можно было выкинуть на свалку, он подключил к внешнему монитору, получив целых +7 опыта.

Опыт давали за все устройства, но по-разному. Где-то чуть больше, где-то чуть меньше. Но в любом случае — очень и очень мало. Это было похоже на сбор монеток в иг-

ре, где каждая монетка весит тонну.

— Ну и ну, — ворчал он, вытирая пот со лба. — За починку целого ноутбука мне дают 7 опыта. А для следующего уровня нужно, наверное, 100. Значит, мне нужно починить еще 15 ноутбуков. Или 20 принтеров. Или 50 кофеварок. Я стану мастером по ремонту раньше, чем стану суперменом.

Каждое исправление давало ему крохи опыта, но они складывались. Через пять часов непрерывной работы, с перерывом только на то, чтобы выпить воды и посмотреть на часы, не видимая ему шкала опыта заполнилась до 100%. Алексей чувствовал себя выжатым, как лимон, но удовлетворенным.

— Это как марафон, — прошептал он. — Только вместо финиша — вот это.

«Поздравляем! Вы достигли 1-го уровня!» — появилось сообщение, и Алексей почувствовал странное удовлетворение, смешанное с тревогой.

Он как будто перешел на новый уровень в жизни. Но это было не так радостно, как казалось. Он, не видя самой шкалы, её не было в интерфейсе совсем, прикинул на глаз исходя и игрового опыта в детстве, сколько нужно опыта для следующего уровня. И он понял, что следующий уровень он поднимет очень нескоро.

— Ну вот, — вздохнул он. — Я первый уровень. Я как младенец, который только научился ползать.

Тут же появилось новое сообщение: «Получен навык: Ше-

стое чувство (Ур. 1) — Вы способны ощущать скорую поломку механизма».

Алексей уставился на это сообщение, и его улыбка стала шире.

— Вау, — тихо сказал он, — Это круто. Это просто... невероятно круто. Теперь я наверное могу предсказывать, когда у кого-то сдохнет компьютер, и заранее предлагать свои услуги. Я стану миллионером!

Теперь он мог чувствовать, когда что-то вот-вот сломается. Это было не просто знание, а физическое ощущение — покалывание в кончиках пальцев, легкий звон в ушах. Он посмотрел на старый системный блок в углу и внезапно понял: «Этот умрет через два дня. У него перегреется блок питания».

И это открывало перед ним новые возможности. Он мог чинить вещи до того, как они сломаются, получая опыт, а не ждать, пока они развалятся на части. Это было идеально. Это было как иметь бесплатный билет в мир прокачки.

Алексей подошел к старому системному блоку и положил на него руку.

— Я чувствую твою боль, — сказал он серьезно, глядя на устройство, которое ответило ему тихим гудением. — Ты умрешь через день, если я не вмешаюсь. Но я не дам тебе умереть. Я, Алексей Порохов, повелитель гаджетов, спасу тебя.

Он забавно реагировал на свои новые способности. Он

шутил, и только его шутки не давали ему сойти с ума окончательно.

— Астрологи говорят: «Вас ждет встреча с интересным человеком». А я говорю: «Вас ждет встреча с перегоревшим предохранителем». И я всегда прав. Потому что я профи.

Он чувствовал себя почти богом. Или, по крайней мере, очень странным экстрасенсом, который вместо духов общается с микросхемами.

В этот момент в мастерскую зашел клиент. Это был толстый мужчина с телефоном в руке, который выглядел так, будто его только что достали из-под колес грузовика.

— Он просто не включается, — сказал клиент с таким видом, будто просит сделать что-то невозможное. — Помогите!

Алексей усмехнулся, взял телефон в руки и, чувствуя, как пульсирует его новое «Шестое чувство», пробормотал:

— Ну что ж, посмотрим, сколько опыта я смогу получить. Надеюсь, больше, чем за тот гребаный ноутбук.

Он взглянул на клиента, который с надеждой смотрел на него, и прошептал:

— Не волнуйтесь, я электрик-экстрасенс. Я вижу вашу поломку насквозь. И я ее починю. Если, конечно, она не захочет умереть. Но я не дам ей умереть. Я же теперь... Он замолчал, видя удивление на лице человека пред ним.

Глава 3

Робби Кляйн стоял в центре пустого зала. Старого, обшарпанного театра, который помнил лучшие времена, когда здесь собирались толпы, а воздух звенел от аплодисментов. Теперь здесь пахло пылью, плесенью и разбитыми надеждами. Эхо его шагов звучало как приговор — одинокое, глухое и безнадежное.

Робби было пятьдесят лет. За эти годы он видел всё: славу, деньги, оvation, а потом — равнодушие, пустоту и тишину. Его лицо было изрезано морщинами, как старая карта, на которой уже не осталось неизведанных мест. Глаза, когда-то яркие и живые, теперь потускнели, но в них всё еще тлела искра надежды. Или безумия — он сам не мог разобраться.

Он был высоким, худощавым мужчиной с длинными пальцами, которые привыкли к картам, монетам и шарфам, которые он ловко вытаскивал из цилиндра. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, а на лице — вечная трехдневная щетина, которая делала его похожим на уставшего пирата. Его фрак, когда-то черный и блестящий, теперь выцвел до серого, а на лацканах красовались пятна, которые он пытался вывести, но безуспешно. Он выглядел как призрак собственной славы.

Репетиция шла из рук вон плохо. Он пытался сделать классический пасс с платком, но платок выпал из рук и упал на пол, как дохлая птица. Робби посмотрел на него с такой ненавистью, будто это был его злейший враг.

— Ты тоже против меня, — прошептал он, поднимая платок.

Но он продолжал. Он всегда продолжал. Даже когда зал пуст, он репетировал, потому что искусство — это единственное, что осталось у него в жизни. Кроме, разве что, старого цилиндра, который он носил с собой повсюду, как талисман.

В «День Системы» мир перед его глазами внезапно поплыл. Это случилось, когда он делал очередной пасс. Он хотел вытащить из цилиндра голубя, но вместо пернатого друга перед ним появился он сам. Копия Робби Кляйна, точная до последней морщинки, но полупрозрачная, как голограмма, проецируемая старым проектором. Она смотрела на него пустыми, стеклянными глазами и улыбалась той же улыбкой, которую Робби использовал для зрителей.

Робби замер. Его сердце пропустило удар, а потом забилось с бешеной скоростью, как у зайца, который увидел волка.

— Господи, — прошептал он, отступая на шаг. — Я всё-таки свихнулся. Я рехнулся. Я сошел с ума в этом пустом театре.

Он протянул дрожащую руку к призраку, но его пальцы прошли сквозь него, как сквозь туман. Это было не физическое прикосновение, а скорее ощущение холода, пробежавшего по коже.

— Точно свихнулся, — повторил он громче, и его голос

эхом разнесся по пустому залу.

Паника накрыла его, как цунами. Он отмахнулся от призрака рукой, будто отгонял назойливую муху, и та исчезла, словно утренний туман. Призрак был всего секунду, но ему она показалось вечностью. Он испарился, как дым, который он обычно выпускал изо рта для эффекта.

Робби стоял, тяжело дыша, и смотрел на пустое место, где только что была его копия.

— Это был сон, — твердил он. — Просто сон. Я работал слишком много. Я слишком много пил. Я забыл поесть. Я просто переволновался.

Но он знал, что это не сон. Это было реально. Его фокусы стали реальными. Он не знал, хорошо это или плохо, но его руки дрожали, как у алкоголика, который давно не пил.

Он не пошел к врачам. Робби вообще не любил врачей. Он слишком хорошо знал, как выглядит безумие. В юности он работал в цирке, где его друг-клоун внезапно начал разговаривать с куклами, а потом его увезли в больницу, и больше Робби его не видел. С тех пор он боялся белых халатов, больниц и успокоительных уколов.

— Меня запрут в палате с мягкими стенами, — пробормотал он, глядя на свое отражение в зеркале, которое висело на стене. — Будут пихать в меня таблетки и говорить, что я выздоравливаю. А я буду там сидеть и смотреть, как моя харизма превращается в ноль.

Он усмехнулся своей мрачной шутке, но на душе было

погано.

Запершись в своей гримерке, Робби снял старый цилиндр и положил его на стол. Комната была маленькой, заваленной реквизитом, картами, шарфами и старыми афишами, на которых красовалось его имя: «Великий Робби Кляйн! Чародей сцены!».

Он начал экспериментировать. Если его фокусы могли стать реальностью, значит, он должен был понять, как это работает. Он достал колоду карт и попытался сделать простой трюк — заставить карту исчезнуть. Но она не исчезала по его желанию.

— Значит я что-то делаю не так, — решил он.

В его сознании что-то не зримо изменилось. Он заметил в нижнем углу зрения тусклую иконку шестерёнки. Она мерцала, как будто приглашая его заглянуть внутрь.

Сам того не понимая, его взгляд потянулся к ней. Он мысленно «нажал» на иконку, и перед его глазами развернулась панель. Это был интерфейс, такой же, как у всех, но с его уникальными данными.

Имя: Роберт «Робби» Кляйн.

Уровень: 0.

Сила: 4.

Ловкость: 6.

Интеллект: 5.

Харизма: 5.

Навык: Быстрый двойник (Ур. 1).

Опыт: 0%.

Робби уставился на эти цифры и нахмурился.

— Четыре силы? — возмутился он. — Да я в молодости мог поднять штангу в пятьдесят килограмм!

В молодости. Он сам себя поймал на этой мысли и догадался почему сила только четыре.

Но ловкость — шесть. Это хоть что-то. Значит, я всё еще быстрый. Не как кот, но как старый гепард, который еще может пробежать пару метров.

— Хотя, что вообще обозначают эти цифры?

Ответа ему никто не дал.

— Значит сам буду искать ответы, — подумал он про себя.

Он прочитал строчку с навыком. «Быстрый двойник». Это звучало интригующе, но он не понимал, что это значит. Он не любил видеоигры, и термин «скилл» для него был чем-то из другого мира.

— Что за двойник? — спросил он сам себя. — Это тот, который только что испугал меня до смерти? И что значит «Ур. 1»? У меня есть уровень, как у персонажа в какой-то дурацкой RPG? Это приколы?

Робби тогда ещё не знал, что это был бонус от системы. В этом мире почти никто не получил навык на нулевом уровне. Он был одним из счастливчиков, но он об этом не догадывался. Для него это был просто ещё один странный сбой в его жизни.

Он начал пробовать понять, что это за навык. Он мыслен-

но нажал на иконку, и тут же отскочил в сторону, потому что перед ним вновь появился его двойник. Тот самый, полупрозрачный, с пустыми глазами и насмешливой улыбкой.

— Ах ты, черт! — закричал Робби, вжавшись в стену. — Опять! Убери его!

Но двойник исчез так же внезапно, как и появился. Через секунду в гримерке снова был только он. Робби перевел дыхание, чувствуя, как сердце колотится о ребра.

Он повторил действие. И снова двойник появился на секунду, но в этот раз Робби успел рассмотреть его детали: ту же щетину, те же морщины, тот же потускневший фрак.

— Это я, — прошептал он. — Это действительно я. Только призрачный. Как отражение в кривом зеркале.

Он начал учиться.

Сначала он пытался удерживать двойника всего на секунду, чувствуя, как напряжение распространяется по всему телу, как будто он поднимает тяжелый ящик. Сердце колотилось, а из груди вырывалось тяжелое дыхание.

Потом — на три секунды. Это было сложнее. Ему нужно было сосредоточиться, представить двойника, удержать его перед глазами. Каждый раз, когда двойник существовал дольше, в углу его зрения вспыхивала надпись:

«Ловкость +0.1. Опыт +10».

Робби смотрел на эти цифры и не верил своим глазам.

— Это как в игре, — бормотал он. — Я получаю опыт за то, что делаю фокусы. И моя ловкость растет. Значит, я могу

стать быстрее. Я могу стать лучше.

Он попробовал снова. Двойник продержался уже пять секунд. Надпись вспыхнула: «Ловкость +0.1. Опыт +10».

— Это безумие, — сказал он, улыбаясь. — Но это мое безумие.

Робби понимал правило: чем сложнее иллюзия, тем больше опыта. И это знание стало его навязчивой идеей. Он часами экспериментировал, пытаясь удержать двойника всё дольше и дольше.

Но он чувствовал ещё кое-что. Было ощущение, что, когда двойник активен, он теряет силы. Его руки становились слабее, в груди появлялась тяжесть, а перед глазами плыли круги. В конце концов он терял концентрацию, и двойник исчезал.

Это было похоже на то, как в игре кончается мана у персонажа. Вот только у людей отсутствовали эти индикаторы. Они не видели ни жизненную энергию, ни ману. Нужно было эти параметры угадывать.

Робби чувствовал, что у него есть какой-то ресурс, но он не видел его в интерфейсе. Это было похоже на то, как если бы ты за рулем машины, но у тебя нет индикатора топлива. Ты просто чувствуешь, что бензин кончается.

— Ну и система, — ворчал он, вытирая пот со лба. — Не могли добавить индикатор маны? Или хотя бы написать: «У вас осталось 10% энергии, берегите себя». Нет, блин, мы же умные, мы сами догадаемся. Идиоты.

Через несколько дней он решился на более сложный трюк. Он попробовал вызвать двух двойников одновременно, заставляя их двигаться синхронно. Это требовало невероятной концентрации. Он стоял в центре гримерки, сжимая кулаки, и представлял, как два его призрачных клона кружатся вокруг него, делая те же жесты, что и он.

Двойники появились. Сначала один, потом второй. Они двигались синхронно, но их глаза были такими же пустыми, как у манекенов.

Робби удерживал их почти пять секунд, но потом его голова начала кружиться, а ноги подкосились. Он упал на стул, и двойники исчезли.

— Я... устал, — прошептал он, чувствуя, как внутри разливается слабость. — Это требует слишком много сил.

Он быстро утомлялся. Каждый новый трюк высасывал из него энергию, как старый вампир, который питается не кровью, а его концентрацией.

Его ловкость росла по чуть-чуть. Он заметил это, когда получил сообщение: «Ловкость +0.3. Опыт +30».

— Прогресс, — усмехнулся он. — Медленный, как улитка, но прогресс.

Вместе с ловкостью рос и страх. Он начал чувствовать, что магия становится чем-то тёмным и опасным. Каждый раз, когда он создавал двойника, ему казалось, что он открывает дверь в какой-то другой мир, откуда на него смотрят те же пустые глаза.

— Я не знаю, что я делаю, — признался он себе. — Но я уже не могу остановиться.

Однажды ночью во время сна, сам того не осознавая, он создал двойника.

Двойник появился в углу. Просто стоял и глядел на Робби пустыми, стеклянными глазами. Он не двигался, не дышал, просто смотрел.

В этот момент Робби проснулся от собственного крика. Он открыл глаза и увидел свою копию. Она стояла в углу, в полумраке, и смотрела на него. Её лицо было неподвижным, как у трупа, и это было пугающе.

— А-а-а! — заорал он, хватаясь за сердце. — Убирайся! Убирайся к черту!

Он взмахнул рукой, уничтожая иллюзию, и двойник исчез. Робби сидел на кровати, тяжело дыша, и чувствовал, как его сердце бешено колотится в груди.

— Боже, — прошептал он, схватившись за голову. — Я сам себя испугал. Я создал собственного призрака, который теперь является ко мне по ночам. Это уже не смешно. Это безумие.

Он понял, что его магия может выйти из-под контроля и она может пугать. Пугать до чертиков.

Робби пытался шутить над своими страхами, потому что иначе он бы сошел с ума.

— Ну что ж, — сказал он, глядя в зеркало на свое бледное лицо. — Теперь у меня есть бесплатный ассистент. Мо-

жет, оставлять его на ночь? Пусть подметает гримерку, пока я сплю. Наверное, он хорошо умеет подметать, у него же руки, как у меня. Только он будет делать это в тишине, как могильщик. Идеально.

Он рассмеялся, но смех был нервным. Он боялся собственной магии, но не мог отказаться от неё.

Робби решил использовать свои способности, чтобы вернуть себе славу. Его сильно раздражал пустой зал в театре, где он выступал когда-то. Он смотрел на пустые кресла и чувствовал, как его душа умирает.

— Если уж я могу создавать двойников, то почему бы не показать это миру? — сказал он сам себе. — Я стану великим иллюзионистом, как в старые добрые времена. Только теперь мои фокусы будут настоящими.

Он начал выступать на улицах. Толпа сначала смеялась над ним — старый, нелепый фокусник в выцветшем фраке, который пытается вытащить кролика из шляпы. Но когда он создавал двойника, который танцевал перед ними, все замолкали.

Люди замирали в изумлении. Они не могли поверить своим глазам. Это была магия, которую они никогда раньше не видели. Настоящая магия.

Каждый успешный фокус приносил ему опыт. Крупицы, по 10-20 очков за выступление. Он поднимался на новый уровень медленно, но, верно.

Но вместе с этим он терял связь с реальностью. Он начал видеть мир как сцену, где все люди — зрители, а он — единственный актёр.

Он смотрел на прохожих и видел в них не людей, а просто зрителей, которые пришли на его шоу. Он смотрел на магазины и видел не товары, а реквизит. Он смотрел на полицейских и видел не стражей порядка, а статистов, которые должны были мешать ему.

— Все они — часть спектакля, — шептал он, бредя по улице. — Я — главный герой. Я — тот, кто создает иллюзии. Они — те, кто в них верит.

Его сознание плавилось, как воск, смешивая реальность и фантазию.

Его иллюзии становились всё сложнее. Он мог удерживать двойников около десяти секунд. И однажды он создал ненадолго несколько двойников, которые танцевали канкан в центре площади.

Это было грандиозно. Пять копий Робби, одетых в те же выцветшие фраки, танцевали синхронно, поднимая ноги и кружась. Толпа ахнула. Некоторые начали аплодировать, другие — креститься.

Робби стоял в центре, чувствуя, как его энергия быстро уходит. Он пытался удержать иллюзию, но через десять секунд двойники начали мерцать и исчезать.

Толпа аплодировала. Но Робби не чувствовал радости. Он посмотрел в глаза зрителям и увидел там не восхищение, а

страх. Они боялись его. Они смотрели на него, как на монстра, который вышел из сказки.

Это ранило его больше, чем любые насмешки. Он всю жизнь хотел, чтобы его искусство приносило радость. А теперь оно приносило только ужас.

— Это был мой лучший трюк, — прошептал он, чувствуя, как его силы уходят. — И они испугались.

Он создал несколько двойников, и это истощило его почти до предела. Он едва держался на ногах, чувствуя, что сейчас упадет.

Он понял, что его искусство больше не приносит радости. Людей больше не интересовало искусство. Их интересовали только цифры, параметры, уровень. Все эти новые системы, которые появились в их головах, сделали их ещё более тупыми и жадными.

— Я больше не могу это делать, — сказал он себе, сидя в своей гримерке. — Моя магия пугает людей. Она делает их несчастными. Она не приносит счастья. Я больше не хочу быть иллюзионистом.

Его душа была пуста. Он чувствовал, что потерял смысл жизни.

От безысходности и непонимания, куда ведёт его новый дар, Робби захотел применить свои таланты в корыстных целях. Он решил ограбить небольшой местный банк.

— Хотя раз в жизни я побуду плохим парнем, — сказал он себе, глядя в зеркало. — Я всегда был хорошим. Я всегда

улыбался зрителям. Я всегда развлекал их. А теперь я буду развлекать самого себя. И деньги.

Он усмехнулся своей мрачной шутке.

— В конце концов, если мир стал ареной, почему бы не взять свой кусок пирога? — думал он. — Я не убиваю, я не ворую у бедных. Я просто возьму то, что принадлежит богатым. Они даже не заметят. Или заметят, но что они сделают? Вызовут полицию? Моя магия сильнее полиции.

Но где-то внутри его грыз червячок совести.

Идея казалась безумной, но в ней была отчаянная логика. Если мир стал ареной, то почему бы не стать главным злодеем? Хотя бы на один день.

Робби продумал план до мелочей. Он знал, что его двойник может отвлекать внимание, а сам он — действовать быстро и незаметно.

Он вошёл в банк с дешёвыми часами на руке. На нем был всё тот же старый фрак, но он выглядел достаточно прилично, чтобы не вызывать подозрений. Он подошёл к кассиру, который был молоденькой девушкой с уставшими глазами.

— Здравствуйте, — сказал он, улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой. — Я хотел бы обменять мелочь на крупные купюры.

Кассир посмотрела на него с подозрением, но кивнула. Робби протянул ей сумку с монетами, и в тот момент, когда она открыла её, он мысленно активировал своего двойника.

Двойник появился за спиной кассира, нависая над ней,

как призрак. Девушка обернулась и закричала. Робби, воспользовавшись моментом, быстро открыл кассу и забрал деньги.

Двойник исчез через секунду, и кассир осталась стоять, глядя на пустое место. Она не понимала, что произошло. Она просто видела призрак, а затем — исчезнувшие деньги.

Робби вышел из банка с сумкой, набитой купюрами. Он чувствовал себя одновременно героем и преступником.

После ограбления он понял, что его искусство никому не нужно. Зрители не аплодировали. Вместо этого в банке завыла сирена. Но даже кассир, которая включила её, не понимала, что произошло. Она смотрела на пустое место и дрожала.

Робби бежал по улице, сжимая сумку с деньгами, и чувствовал, как его сердце разрывается от стыда. Он не был вором. Он был артистом. Но он только что совершил преступление.

Робби пошёл в бар и напился в одиночестве. Он сидел в углу, глядя в стакан с виски, и презирал себя.

— Я позволил магии превратить меня в вора, — бормотал он, глотая горькую жидкость. — Я стал тем, кого всегда ненавидел. Я стал плохим парнем. Но плохие парни не получают аплодисментов. Они получают только пулю в лоб.

Его угрызения совести были такими же глубокими, как тот самый цилиндр, из которого он когда-то доставал голубей.

Внутри него была пустота. Глубокая, как бездна, и денежная сумма не могла её заполнить. Он смотрел на свои руки, которые держали стакан, и думал о том, что они больше не принадлежат ему. Они принадлежали магии.

— Я продал душу за фокусы, — прошептал он. — И теперь я пожинаю плоды. Но эти плоды горькие, как полынь.

Он смотрел на своё отражение в зеркале старой гримерки, когда вернулся домой. Он видел там не великого иллюзиониста. Он видел уставшего старика, у которого нет больше цели в жизни.

Его глаза, когда-то яркие, теперь были тусклыми. Его морщины, которые раньше говорили о мудрости, теперь говорили только о боли. Его руки, которые когда-то творили чудеса, теперь просто лежали на столе, не в силах сделать даже простой пасс.

— Я больше не знаю, кто я, — прошептал он. — Я не фокусник. Я не вор. Я никто. Я просто старик, который потерял свой путь.

Он закрыл глаза, и в его воображении промелькнули все те зрители, которые когда-то ему аплодировали. Они исчезли. Осталась только пустота.

Теперь он знал, что его искусство стало проклятием, которое он должен нести до конца своих дней. Ему срочно нужен был новый смысл жизни. Что-то, ради чего стоит просыпаться. Что-то, ради чего стоит жить.

Но пока что он просто сидел в своей гримерке, глядя на

старый цилиндр, и не видел никакого выхода.

— Кто я теперь? — спросил он у пустоты. — И зачем я здесь?

Ответа не было. Только тишина, которая была громче любых аплодисментов.

Глава 4

Миранда Блэк стояла перед зеркалом в раздевалке элитного фитнес-клуба «Олимп» и смотрела на своё отражение с той смесью самолюбования и презрения, которую могут позволить себе только люди, привыкшие к тому, что мир вращается вокруг них. Когда-то её лицо украшало обложки глянцевого журналов. Её улыбка продавала духи, её фигура — нижнее бельё, а её имя было синонимом красоты и успеха.

Теперь ей было сорок пять. Сорок пять лет, которые она отчаянно пыталась скрыть за слоями косметики, правильным питанием и ежедневными тренировками. И надо сказать, ей это удавалось. Миранда выглядела великолепно. Она была высокой, стройной, с осиной талией и длинными ногами, которые могли бы свести с ума любого мужчину, даже если он был импотентом. Но главным её достоянием была грудь. Большая, упругая, идеальной формы — такая, о которой мечтают девушки и которую вспоминают мужчины, когда смотрят старые фильмы с участием Мэрилин Монро. Миранда знала цену своей груди. Она была её пропуском в

мир, где всё решают не мозги, а бюст.

Она носила дорогой фитнес-костюм из чёрного неопрена, который подчёркивал каждую линию её тела, и тяжёлые золотые серьги, которые тихо позвякивали при каждом движении. Её волосы, выкрашенные в платиновый блонд, были уложены в идеальный хвост, а глаза, подведённые стрелками, смотрели на мир с лёгкой, почти хищной усмешкой. Она выглядела как роковая женщина из нуарного фильма, которая вот-вот разобьёт чьё-то сердце и украдёт чей-то кошелек.

Но молодые девушки, которые приходили в клуб, смотрели на неё с жалостью. Они видели в ней только старую модель, которая цепляется за свою увядающую красоту, как утопающий за соломинку. Они шептались за её спиной, и Миранда знала об этом. Это бесило её. Бесило до дрожи.

— Они ещё узнают, кто я такая, — прошептала она, глядя на своё отражение. — Я не просто фитнес-инструктор. Я легенда. Я королева.

Миранда отчаянно цеплялась за свою красоту, как за спасательный круг в океане времени. Она отказывалась стареть. Она тратила тысячи долларов на кремы, процедуры и филлеры. Она требовала от мира восхищения, как будто это было её законное право. Когда кто-то не замечал её, она впадала в ярость. Когда кто-то смел критиковать её внешность, она уничтожала его на месте, используя свой острый язык и многолетний опыт манипуляции.

— Я заслужила это, — говорила она себе каждое утро. —

Я работала над собой. Я страдала. Я голодала. Я не спала ночами, чтобы быть красивой. Мир должен мне поклоняться. Это моя плата.

Она смотрела на своё отражение и видела не женщину за сорок, а богиню, которая временно заблудилась среди смертных.

Когда утром она встала с постели и подошла к зеркалу, она заметила странную вещь. В нижнем правом углу её поля зрения висела небольшая панель. Она была полупрозрачной, с какими-то цифрами и иконками.

Миранда замерла, а затем улыбнулась. Она восприняла это как награду. Как признание Вселенной, которая наконец-то заметила её величие. Ей показалось в ту минуту, что она избранная и у неё появился какой-то дар, но она пока не поняла какой.

— Ну наконец-то, — прошептала она. — Кто-то оценил меня по достоинству.

Она не очень разбиралась в цифрах. Для неё цифры были чем-то скучным, связанным с налогами и отчётами, которые она ненавидела. Но один параметр привлёк её внимание. Харизма.

Имя: Миранда Блэк.

Уровень: 0.

Сила: 4.

Ловкость: 4.

Интеллект: 4.

Харизма: 12.

Навык: нет.

Опыт: 0%.

— Харизма, — повторила она вслух, смакуя слово. — Это же то, что у меня всегда было. То, что делало меня королевой. То, что заставляло мужчин падать к моим ногам. Вселенная наконец-то подтвердила это. У меня харизма выше остальных качеств. Выше силы, она ей была не нужна, выше ловкости и выше интеллекта, которым она не очень любила пользоваться, но если было нужно, то умела. Это же выше среднего, да? А у остальных, наверное, ниже. Как же я рада!

Она даже не поняла, что получила бонус от системы. Её харизма действительно была выше среднего уровня, и это было не просто так. Но Миранде было плевать на причины. Она была рада результату.

Она совершенно проигнорировала шестерёнку внизу поля зрения после того, как один раз её мысленно нажал увидел высокий показатель харизмы. Теперь она была ей больше не нужна. Ей было плевать. Для неё это была просто ещё одна игрушка, подтверждающая её превосходство.

— Какая-то игрушка, — фыркнула она, закрывая панель. — Неважно. Главное, что харизма у меня высокая. Это всё, что имеет значение.

Она даже не задумалась о том, что эти параметры могут быть реальными и что они могут меняться. Для неё это был просто забавный глюк, который подтверждал то, что она и

так знала: она — лучшая.

Миранда вышла из дома и направилась в свою любимую кофейню. Это было место, где подавали идеальный капучино с корицей, и где работал симпатичный бариста. Молодой парень по имени Том, который всегда смотрел на неё с восхищением.

Сегодня она была в особенно хорошем расположении духа. Она вошла в кофейню, поправила волосы и встала в очередь. Но очередь двигалась слишком медленно. Бариста, этот Том, возился с каким-то клиентом, который заказывал сложный напиток с кокосовым молоком и ванильным сиропом.

Миранда стиснула зубы. Ей надоело ждать. Она мысленно «приказала»: «Подойди ко мне. Быстро».

И, к её удивлению, Том поднял голову и посмотрел прямо на неё. Но он не подошёл. Он просто улыбнулся ей и продолжил работать с другим клиентом.

— Давно бы так, — прошептала она, чувствуя, как внутри неё закипает ярость. — А то не дозовёшься вас. Я же королева.

Но парень всё ещё не шёл к ней. Он просто улыбнулся ей, как будто она была обычной клиенткой, и продолжил делать заказ. Миранда почувствовала, как её лицо наливается красным от злости.

— Ну совсем обнаглели, — прошипела она. — Не видят, кто перед ними. Я не какая-то там офисная планктонша. Я —

Миранда Блэк! Я должна получать всё, что хочу! И немедленно!

Её пальцы впились в сумочку, а ногти чуть не прорвали кожу. Она ненавидела, когда её игнорировали. Это была её главная слабость.

Она напрягла все свои силы. Её челюсти стиснулись, а глаза сузились до щёлочек. Она снова мысленно «приказала» бариста, но на этот раз она вложила в это приказ всю свою волю. Всю свою злость. Всю свою ярость.

— Иди сюда, — прошептала она сквозь зубы. — Сейчас же.

И внезапно она почувствовала, как в груди разливается странное тепло. Это было похоже на то, как если бы она сделала глоток горячего чая, но тепло было не в животе, а где-то внутри, в самом центре её существа.

Миранда замерла, чувствуя, как это тепло растекается по её телу, как энергия, которую она никогда раньше не испытывала.

— Что это было? — удивилась она, но через мгновение улыбнулась. Ей понравилось это чувство. Она чувствовала, что имеет на это право. Это было её законное право — повелевать людьми.

В углу её глаза вспыхнула надпись: «Харизма +0.2. Опыт +15».

Миранда даже не обратила на неё внимания. Она смотрела на баристу, который вдруг, как зомби, бросил своего кли-

ента и направился к ней. Его глаза были немного стеклянными, а движения — механическими, как у робота.

— Вот так-то лучше, — улыбнулась она. И в этой улыбке не было ничего доброго. Это была улыбка хищника, который только что понял, что может управлять своей добычей.

Бариста подошёл к ней, и его лицо расплылось в глупой, покорной улыбке.

— Что для вас, госпожа? — спросил он, его голос был мягким и покладистым.

— Капучино с корицей, — ответила Миранда, не скрывая своего удовлетворения. — И побыстрее.

Том кивнул и бросился выполнять её заказ, оставив всех остальных клиентов в очереди с открытыми ртами. Миранда почувствовала, как её сердце наполняется радостью. Она не просто красива. Она — сила. И она только что доказала это.

Она смотрела, как бариста готовит её напиток, и чувствовала себя богиней. Никто не мог противостоять её воле. Она могла заставить любого человека делать то, что она хочет, и этот день был только началом.

«Теперь я поняла, — думала она, — я не просто модель. Я — повелительница людей. И весь мир будет у моих ног».

Она уже видела, как использует эту силу. Больше никаких капризных продавцов, никаких наглых таксистов. Только полное подчинение и обожание.

Она не думала, что это магия. Она считала, что мир наконец признал её королевой, и это убеждение стало её мантрой.

Она вдыхала его с каждым глотком воздуха и чувствовала себя счастливой, как никогда раньше.

— Вселенная поняла, — прошептала она, выходя из кофейни с капучино в руках. — Она поняла, кто я на самом деле. Теперь я могу взять всё, что захочу. И никто мне не помешает.

Она шла по улице, как на подиуме, чувствуя, как каждый взгляд прохожих притягивается к ней. Она была центром мира, и она наслаждалась этим.

Она продолжала тренироваться на людях. В фитнес-клубе она заставляла охранников открывать ей двери, даже если они были заняты другими делами. В магазинах она заставляла продавцов отдавать вещи бесплатно, просто глядя на них с лёгкой, требовательной улыбкой. Мужчины дрались за её внимание, и она наблюдала за этим, как за увлекательным шоу, поглаживая свою сумочку.

Каждый раз, когда она использовала свою харизму, в углу глаза вспыхивала надпись: «Харизма +0.1. Опыт +10».

Миранда игнорировала эти сообщения, как игнорирует всплывающую рекламу опытный пользователь интернета. Ей было всё равно, что там написано. Она была слишком поглощена своим триумфом.

— Какая-то цифровая мелочь, — фыркала она. — Мне не нужны эти ваши опыты. Мне нужна власть. И у меня она есть.

Каждый успешный акт манипуляции давал ей опыт, и она

поднималась на новый уровень, сама того не замечая. Становилась всё более уверенной в своей власти. Она чувствовала, как её внутренняя сила растёт с каждым днём, как её воля становится жёстче, а желания — настойчивее.

— Я становлюсь сильнее, — говорила она себе, смотрясь в зеркало. — Сильнее и опаснее. Это мне нравится.

Она не замечала, как меняется. Её взгляд, когда-то теплый и открытый, становился холодным и стальным. Её улыбка, которая раньше была обаятельной, превращалась в хищный оскал. Её просьбы всё чаще перерастали в требования, и она уже не ждала, а брала.

— Я не прошу, — шипела она на продавца, который посмел сказать «нет». — Я требую. Ты что, не видишь, кто перед тобой?

Продавец, очарованный её харизмой, покорно кивал и отдавал вещь даром. Миранда больше не чувствовала благодарности. Она чувствовала только ожидание — и требовала ещё.

Миранда оправдывала свои действия тем, что «помогает людям раскрыть свой потенциал». Но это была ложь. Откровенная, наглая, циничная ложь, которую она говорила с такой искренностью, что сама в неё верила.

— Я делаю их лучше, — говорила она, стоя перед зеркалом в своей огромной квартире. — Они должны быть благодарны, что я уделяю им внимание. Без меня они были бы никем. Обычными, скучными, никчёмными людьми. А я пре-

вращаю их в рабов... ну, в слуг. Это почти одно и то же.

Её смех звенел в пустой комнате, как звон разбитого стекла. Она больше не скрывала своей жестокости. Она наслаждалась ею.

Однажды она заставила группу мужчин драться за право подать ей пальто. Это было смешно и одновременно страшно. Она стояла в центре вестибюля дорогого ресторана, а пятеро мужчин, незнакомых друг с другом, начали толкаться и кричать, пытаясь первым подбежать к ней.

Один из них упал, другой схватил его за воротник, третий начал размахивать кулаками. Люди вокруг начали отступать, а Миранда смеялась. Громко, заливисто, как будто это было самое забавное шоу на свете.

— Остановитесь! — крикнул кто-то из охраны. Но Миранда лишь махнула рукой:

— Пусть развлекаются. Им это полезно. Адреналин, знаете ли.

Но когда мужчины начали драться всерьёз, и один из них разбил другому нос, Миранда вдруг почувствовала, что это перестало быть забавным. Это было слишком... банально. Мелко.

Она отошла в сторону, оставив мужчин выяснять отношения, и задумалась.

— Я трачу свою силу на такую ерунду, — прошептала она. — На драки за пальто. На кофе. На мелочи. Я могу больше. Я могу получить всё, что захочу. Но для этого мне нужно

попробовать что-то более серьёзное.

Её жажда власти росла, как снежный ком. Она больше не хотела управлять просто охранниками и продавцами. Она начала охотиться на людей с высоким социальным статусом.

— Может, найти себе папика? — думала она, перебирая в голове знакомых миллионеров. — Но я уже не слишком молода для этого. Моя грудь ещё хороша, но возраст не скрыть. А мне нужно что-то большее. Власть. Настоящая власть.

Она отбросила мысль о богатых покровителях. Это было слишком мелко.

— Мне нужна рыбка покрупнее. Кто-то, кто может дать мне не просто деньги, а власть. Реальную власть.

Она хотела не просто власти, а поклонения. Она хотела, чтобы весь мир стоял на коленях и молился на неё. Она готова была на всё, чтобы получить это.

— Я не просто королева, — говорила она себе, глядя на своё отражение в зеркале и любуясь своей твёрдой, хищной улыбкой. — Я богиня. И богиням не нужны люди. Им нужны почитатели.

На светском мероприятии, которое проходило в старом особняке, где собиралась вся элита города, Миранда заметила его. Крупный политик, человек с властью и деньгами, который влиял на жизнь миллионов. Он был один, стоял в углу и пил виски.

Миранда подошла к нему, улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой. В этот момент она снова заметила ту са-

мую шестерёнку в углу зрения. Она мигала, приглашая её нажать.

— Любопытно, — прошептала она, чувствуя, как внутри неё поднимается волна любопытства. — Что там такое?

Она мысленно нажала на шестерёнку, и перед ней развернулась панель. Там был список её навыков. Один из них назывался «Исповедь» (Ур. 1).

— Исповедь? — переспросила она, приподняв бровь. — Что это значит?

Она вспомнила, как однажды, много лет назад, подруга рассказывала ей про какую-то дурацкую игру, в которой были точно такие же кнопочки. Тогда она посмеялась над подругой, назвав её ребёнком.

— Ну и игрушки, — фыркнула Миранда. — Но если это не игра, тогда что это за фигня у меня перед глазами постоянно торчит?

Любопытство победило. Она решила попробовать.

Политик стоял, попивая виски, и смотрел в пустоту. Миранда подошла к нему, положила руку на плечо и мягко улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала она, её голос звучал как приглашение. — Вы выглядите одиноким. Может, я могу вам помочь?

Она активировала навык «Исповедь». И внезапно политик повернулся к ней, его глаза стали пустыми, а лицо — расслабленным.

— Я должен вам кое-что сказать, — начал он, его голос был механическим. — У меня есть чёрные деньги. Три миллиона. Они спрятаны в сейфе, в моём кабинете. Код — 1890.

Миранда не верила своим ушам. Она слушала, как он рассказывает о своих преступлениях, о взятках, о тайных счетах. И с каждым словом её улыбка становилась шире.

— Спасибо, — прошептала она, когда он закончил. — Вы очень помогли мне.

Она вышла из особняка, чувствуя себя неуязвимой. Она знала, где лежат деньги. Она знала код. Она могла взять всё, что захочет.

И она взяла.

Она без проблем проникла в его кабинет, открыла сейф, забрала деньги и ушла так же тихо, как пришла. Охране она просто сказала, чтобы они забыли о ней и это сработало. Её сердце билось от восторга, а в глазах горел огонь.

Но потом, когда она вернулась в свою квартиру, она взглянула в зеркало и замерла. На её лице проступало выражение чистого, хищного презрения. Это была не она. Это была какая-то другая женщина — холодная, жестокая, готовая раздавить любого, кто встанет на её пути.

Но Миранде это понравилось.

— Я всегда хотела быть такой, — прошептала она, разглядывая себя. — Сильной. Холодной. Уверенной. И теперь я такая. Наконец-то.

Она улыбнулась своему отражению, и в этой улыбке было

что-то жуткое.

Она понимала, что её прежняя красота уходит. Она видела это по мелким морщинам, которые становились всё глубже, по глазам, которые становились всё более холодными.

— Жаль красоту не вернуть, — тяжело вздохнула она, поглаживая своё лицо. — Но если мне эта кнопочка поможет узнать ещё больше секретов, то и красота не особо нужна. Я и так получу всё, что захочу.

Она смотрела на свои руки и чувствовала, как внутри неё растёт пустота.

Она начала ненавидеть всех вокруг. Люди казались ей слабыми, ничтожными и недостойными её внимания. Они были как муравьи, которые копошились в своей муравьиной куче, думая, что они что-то значат.

— Кругом одни презренные трусы, — шипела она, глядя на прохожих с балкона. — Никто из них не достоин даже пыли с моих туфель. Я — единственная, кто стоит чего-то в этом мире. А они — просто стадо.

Она решила уничтожить этот прогнивший город. Пусть всё сгорит дотла, а на его руинах она построит новый мир. Мир, где она будет единственной королевой.

Мысль захватила её полностью. Она не могла думать ни о чём другом. Она видела себя стоящей на вершине власти, окружённой толпами поклонников, которые молятся на неё.

— Это моё истинное предназначение, — прошептала она. — Я должна править. Я должна быть королевой.

Но для этого ей нужен был помощник. Кто-то, кто мог бы выполнять её приказы. Кто-то с талантом, который она могла бы использовать в своих целях.

Она нашла такого человека на очередном светском мероприятии. Ханс Мюллер. Биолог-фанатик, который работал над странными экспериментами с человеческим телом. Он был некрасив. Низкий, полноватый, с бледной кожей и редкими волосами, которые он тщетно пытался причесать. Его очки были толстыми, а взгляд — болезненно-восторженным. Он выглядел как типичный ботаник, который больше времени проводит в лаборатории, чем среди людей.

Она не понимала, как он вообще оказался на этом мероприятии, пока не увидела его босса, который зачем-то пригласил Ханса с собой.

Но Миранде не нужен был красивый помощник. Ей нужен был тот, у кого есть талант. И Ханс, судя по слухам, был гениален в своей области.

Она подошла к нему, улыбаясь своей самой обаятельной улыбкой. Ханс обернулся и замер, увидев её. Его лицо вспыхнуло, а руки задрожали.

— Здравствуйте, — сказала она, протягивая ему руку. — Миранда Блэк. Я слышала о ваших экспериментах. Это просто восхитительно.

Их встреча стала роковой для всех людей в городе. Миранда использовала всю свою харизму на Хансе. Она улыбалась, наклонялась, касалась его плеча, и Ханс таял, как мо-

роженое на солнце.

Он был очарован. Он не мог оторвать глаз от её груди, от её улыбки, от её голоса, который звучал как музыка.

— Вы просто... невероятны, — прошептал он, чувствуя, как его разум застилает туман. — Я никогда не встречал такой женщины.

Миранда знала, что он её старше. Наверное, лет на пять. Но это не имело значения. Он был в её власти.

Они разговорились, и Ханс стал рассказывать ей о своих экспериментах. Он говорил о бездомных, которых похищал с улиц и на которых ставил опыты. Говорил о модификациях ДНК, о том, как можно превратить человека в суперсолдата. О том, как он хочет создать новую расу людей.

Миранда слушала его и чувствовала, как внутри неё растёт восторг.

— Он идеален, — думала она. — У него есть знания. У него есть ресурсы. У него есть безумие, которое я могу направить в нужное русло.

Она смотрела на Ханса и видела в нём не просто помощника, а оружие. Оружие, которое она будет использовать, чтобы захватить мир.

— Это замечательно, — сказала она, улыбаясь. — Вы делаете великое дело. Я верю в вас.

Она использовала свою Харизму на нём, мягко, незаметно, как яд, который попадает в кровь. Она говорила с ним о его идеях, хвалила его гениальность, называла его спасите-

лем человечества. Ханс таял от её слов, не замечая, как его воля перетекает к ней.

— Вы должны работать на меня, — сказала она однажды, когда они сидели в её гостиной. — Ваш старый босс не ценит вас. Он не понимает вашего величия. А я понимаю.

Ханс кивнул, не задумываясь. Его глаза были прикованы к её губам.

— Да, — прошептал он. — Я буду работать на вас. На вас, Миранда.

Он даже не заметил, как это произошло. Он просто чувствовал, что хочет служить ей. Что его жизнь не имеет смысла без её одобрения. И это было то, что она хотела.

Вместе они начали строить планы. Точнее, планы предлагала Миранда, а Ханс только кивал и записывал её идеи. Она хотела захватить город. Создать армию суперсолдат. Уничтожить всех, кто мог бы встать на её пути.

— Мы сделаем этот город нашим, — шептала она, глядя его по голове. — Мы создадим новый мир. Мир, где я буду королевой, а ты — моим главным слугой. Вернее, союзником.

Ханс кивал, не замечая, что она сказала «слугой», а не «партнёром». Его разум был окутан дымкой её харизмы, и он не мог думать ясно.

Миранда чувствовала, как её сила растёт с каждым днём. Она могла управлять людьми, узнавать их секреты, застав-

лять их делать то, что она хочет. Она была уверена, что ничто не сможет остановить её.

— Я непобедима, — говорила она себе, глядя в зеркало на своё холодное, хищное лицо. — Я — королева. И никто не посмеет мне перечить.

Но в глубине души она знала. Она знала, что её власть основана на страхе и манипуляциях. Она знала, что её «подданные» подчиняются ей только потому, что она заставляет их. И это знание иногда не давало ей спать по ночам.

Она лежала в своей огромной кровати, глядя в потолок, и чувствовала, как внутри неё грызёт червячок сомнения.

— Я делаю это правильно? — прошептала она в темноте. — Или я просто стала монстром?

Но потом она закрывала глаза, вспоминала свою харизму, свои деньги, свою власть, и червячок умирал.

— Я не монстр, — убеждала она себя. — Я — спасительница. Они просто не понимают этого. Но они поймут. Они все поймут, когда я построю свой новый мир. Мир, где я буду на вершине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.